Осторожно, двери открываются. Сборник фантастических рассказов

Рудин Алекс

Алекс Рудин

Осторожно, двери открываются. Сборник фантастических рассказов

«Автор»

2023

Рудин А.

Осторожно, двери открываются. Сборник фантастических рассказов / А. Рудин — «Автор», 2023

Что такое яблоки Шивы? Можно ли добраться до других миров при помощи обычного такси? Как убить дракона капельницей?Мифы Древней Гречнии, истории попаданцев и космическая фантастика под одной обложкой.

© Рудин А., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Яблоки Шивы 6
Аутсайдеры 14
Быль о славном Дерзее и ужасном Мимогавре 19
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Алекс Рудин
Осторожно, двери открываются. Сборник фантастических рассказов

Яблоки Шивы

Что не дает сойти с ума людям, долгие месяцы запертым в жестянке, которая с немыслимой скоростью несется куда-то сквозь темную леденящую пустоту? Скудость воображения? Долг? Жажда познания? Предвкушение безбедной старости на тихой уютной планете? У каждого свой ответ. Мой ответ – любовь.

***

Из космоса Родас напоминал незрелое лесное яблоко, слегка сплюснутое у полюсов. На глянцево-зеленой глади океана, покрывавшего планету, бурыми пятнышками высыпали многочисленные острова, в основном, вулканического происхождения.

Один из множества землеподобных обитаемых миров Вселенной. Прекрасный и до последнего времени совершенно бесполезный.

Я поморщился, словно и впрямь ощутил во рту кислую вяжущую мякоть.

Если бы не извержение вулкана в северном полушарии, эта утлая нищая планетка многие столетия могла бы спать тихим пасторальным сном.

Но родасцы, видимо, чем-то прогневали владыку подземного мира. Один из вулканов проснулся, выплюнул в зеленоватую атмосферу тучи сизого пепла, пунцовым языком лавы облизал пересохшие губы атолла. Автоматическая орбитальная станция зафиксировала извержение, сделала спектральный анализ лавовых масс и передала информацию на Землю.

Не прошло и двух месяцев, как на орбите Родаса появился наш крейсер «Тысячеликий», сопровождаемый двумя транспортными кораблями. Капитан крейсера имела строгий приказ немедленно эвакуировать все население планеты в ближайшую колонию в связи с началом масштабных горнорудных разработок на Родасе. Разумеется, с выплатой всех положенных компенсаций. При большой удаче компенсации могли бы даже покрыть кредиты колонистов.

В лавовых массах так некстати ожившего вулкана обнаружился иридий. Скрупулезные подсчеты технарей Корпорации показали, что ядро планеты, как минимум, на тридцать процентов состоит из этого редчайшего металла.

***

В Эпоху Экспансии колонисты буквально зубами цеплялись за любую пригодную для жизни планету, до которой только мог доковылять наскоро сооруженный транспортник. Миллиарды людей, доведенных до отчаяния теснотой земных мегаполисов, неподъемными кредитами, ограничением рождаемости и тотальным цифровым контролем, продавали или бросали имущество, брали билет в один конец и целыми семьями набивались в гибернационные кабины.

Транснациональные корпорации, полностью поделившие к тому времени колыбель человечества, всячески поощряли экспансию. Все экспедиции снаряжались по одному сценарию. Сначала астрономы торжественно объявляли об открытии еще одной, пригодной для жизни планеты. Затем в средствах массовой информации разворачивалась грандиозная рекламная кампания. Экраны телевизоров заполняли умопомрачительно-прекрасные пейзажи далеких миров, отснятые где-нибудь в дождевых лесах Восточной Сибири, или на курортах Антарктиды. Второсортные актеры давали интервью, изображая закаленных невзгодами переселенцев, добившихся успеха на новом месте. Круглосуточно транслировались репортажи о строительстве на орбитальных верфях очередного суперкорабля, который, подобно Ноеву ковчегу, бережно доставит счастливых пассажиров в светлое будущее.

Восемь из десяти экспедиций так никогда и не достигали места назначения. Те, кому посчастливилось долететь, вместо вожделенного рая зачастую находили болтающийся вокруг

полудохлой звезды бесплодный булыжник, или комок сплошного льда и гибли в первые месяцы от голода и болезней.

Неудачи никого не волновали. Корабли строились непрерывно, желающие улететь штурмовали офисы компаний по найму колонистов.

Если же колонии удавалось выжить и добиться процветания, рано или поздно на планетарной орбите появлялся крейсер Корпорации, и поселенцам приходилось вспоминать, что было напечатано мелким шрифтом в их пожизненных, переходящих по наследству контрактах.

***

Экипажу «Тысячеликого» предстояла рутинная операция. Тридцать десантных шлюпок крейсера против девятисот с небольшим обитаемых островов планеты. Еще десять шлюпок в резерве на случай непредвиденной ситуации.

План был отработан до мелочей. Шлюпка приземляется на остров. Командир десантников вручает главе поселения уведомление об эвакуации и выделяет время на сборы пожитков и прощание с малой родиной. Крейсер с орбиты молчаливо подтверждает серьезность намерений Корпорации. Затем шлюпка перепрыгивает на следующий остров, а к поселению летит транспортный баркас.

Шлюпки падали на планету, словно отливающие серебром семена цивилизации. Мы с Энсти стояли возле иллюминатора, наблюдая за их падением.

– Думаешь, все пройдет нормально, Ал? – В голосе Энсти слышалась неуверенность.

Я молча обнял ее за плечи. Слова не требовались, от меня была нужна только поддержка. Энсти благодарно опустила голову мне на грудь.

– Я устала, Ал. Если все пройдет хорошо, пусть это будет наш последний полет. Пора пожить для себя.

Я погладил ее тёмные волосы и нежно поцеловал в карие глаза.

– Конечно, милая. Как скажешь.

По протоколу каждая шлюпка должна была выйти на связь сразу после приземления, и затем докладывать о ходе операции каждые четыре часа. Кроме того, существовал, разумеется, канал экстренной связи.

В десять часов семь минут по корабельному времени первая шлюпка коротко доложила о штатной посадке. В четырнадцать часов семь минут динамик интеркома зашипел, довольно вздохнул и произнёс: «Будьте счастливы. Я люблю вас»

***

На каждом корабле есть крысы. Главной крысой на «Тысячеликом» был старпом Фруше.

Капитан может управлять одним кораблём много лет. Старпом назначается только на один рейс.

Капитан нужен, чтобы принимать решения и нести ответственность. Старпом следит за тем, чтобы эти решения не шли вразрез с политикой Корпорации, докладывает о нарушениях по специальному шифрованному каналу. И обладает правом сместить капитана в случае серьезных разногласий.

В восемнадцать часов восемь минут динамик безмолвствовал, как народ в пьесе Пушкина, и капитан Марч собрала офицеров на экстренное совещание.

– Какого черта в рубке делают штатские? – ехидно спросил Фруше, уставясь на меня пронзительными светлыми глазками в обрамлении белёсых ресниц. Он пришёл последним.

Старший помощник прекрасно знал, что я нахожусь тут с разрешения капитана, и не упустил случая поддеть ее.

– Господа офицеры! – капитан чуть повысила голос, и господа офицеры стали навытяжку. Все, кроме Фруше, вальяжно прислонившегося к косяку бронированной двери. Марч спокойно смотрела ему в глаза. Старпом криво ухмыльнулся и, дёрнув мускулистым плечом, отлепился от косяка.

– Сообщаю вам, что у нас внештатная ситуация. Ни одна десантная шлюпка не выходит на связь. На запросы с крейсера ответа нет. Ваши соображения?

Все посмотрели на четвёртого штурмана. На экстренном совещании первым высказывается младший по званию.

Узколицый черноволосый Гурусета нервно сглотнул. Уши его порозовели, но голос был спокоен.

– Согласно протоколу о внештатных ситуациях, расследование подобных инцидентов находится в компетенции старшего помощника капитана, – Гурусета замолчал.

– Предлагаю отправить несколько десантных шлюпок под командованием старшего помощника на один из островов, – поддержал его рыжебородый здоровяк Холанд, второй механик.

– Не больше трёх шлюпок! – резко возразила Луиза Милье, второй помощник капитана. – У нас должны остаться резервы на крайний случай.

Остальные молчали. Капитан Марч окинула собравшихся пристальным взглядом.

– Что ж, – подытожила она, – Если ни у кого нет возражений…

– Есть возражения! – улыбаясь, сказал Фруше.

Он сделал два шага и оказался прямо напротив меня.

– Почему бы нашему штатному зоологу-ботанику-климатологу-и-черта-в-ступе не начать, наконец, отрабатывать жалование, которое платит ему Корпорация? Он ведь, кажется, учёный, и знает всё обо всем на свете? Не то, что мы, тупые служаки. Пусть спустится вниз и посмотрит – что там и как. Если наши доблестные десантники отравились местными ягодами, или получили солнечный удар, загорая на белом песочке – Ал сумеет помочь им прийти в себя. Он ведь ещё и медик, если я не ошибаюсь? Ты же сумеешь вернуть ребят домой, и вернешься сам, так, Ал? А если не вернешься – что ж, невелика потеря.

Фруше торжествующе улыбался.

– Это разумное предложение, – невозмутимо сказала капитан Марч. – Итак, три десантные шлюпки под командованием старшего помощника Фруше…

– И снова вынужден возразить, уважаемая госпожа капитан. – Фруше скромно потупил глаза. – Кто-то ведь должен помочь Вам приглядеть за судном, если ситуация накалится. Так что я останусь здесь, а командовать шлюпками будет… ну, скажем, четвёртый штурман. Он человек молодой, ему надо зарабатывать плюсики в личное дело.

– Старший помощник Фруше, я буду вынуждена сообщить о вашем неподчинении в дисциплинарную службу Корпорации.

Голос капитана стал ледяным.

Казалось, Фруше это позабавило. Он пренебрежительно махнул рукой.

– Разумеется, госпожа капитан! Это ваша прямая обязанность.

Старпом подмигнул мне и снова отошел к двери. Все молчали. Спорить с представителем Корпорации было глупо.

– Что ж, – сузив глаза, произнесла Марч, – три десантные шлюпки под командованием четвёртого штурмана Гурусеты вместе с прикомандированным ксенобиологом Михайловым высадятся на Родас в восемь утра по корабельному времени. Господа офицеры, все свободны!

***

Ночью Энсти беззвучно плакала на моём плече.

– Ненавижу этого Фруше! Наглая, самодовольная, трусливая крыса!

Горячие слёзы скатывались по её щеке и обжигали мне кожу.

А я снова гладил ей волосы и еле слышно шептал:

– Ничего, милая. Всё будет хорошо. Я вернусь. Я обязательно вернусь к тебе, Энсти.

Я поцеловал мокрую щёку и ощутил на губах соль и горечь.

***

Наступило утро, и шлюпка вылетела из шлюза, сверкая в нестерпимо-голубых лучах местного Солнца. Как ястреб на замершую в траве добычу, мы неудержимо падали на бурое пятно острова.

Решётчатые опоры мягко ткнулись в чужую почву. Вытирая пот со смуглого лба, Гурусета нажал несколько кнопок. Тормозные двигатели умолкли. Две другие шлюпки опустились рядом с нашей. Люк открылся, и десантники, озираясь, выскочили наружу. Я осторожно спустился вслед за ними.

Возле раскаленного корпуса шлюпки стоял синеглазый светловолосый мальчишка, лет двенадцати, одетый в подобие юбки из жёсткой жёлто-рыжей травы. Мальчишка что-то жевал и с благожелательным любопытством смотрел на окруживших его вооружённых людей в униформе Корпорации.

– Ты один здесь? Где все остальные? – спросил я, чтобы нарушить молчание.

Получилось довольно глупо. Вряд ли ребёнок, родившийся на захолустной планете, мог понять мой вопрос.

– Женщины в деревне, готовятся к празднику в вашу честь, – охотно ответил мальчишка, – А мужчины вот-вот вернутся с рыбалки.

Он прислушался к чему-то и радостно заулыбался.

– Ого! Они загарпунили деригера! Идем скорее! Жареный деригер – это вкуснятина несусветная! Язык проглотишь!

– Постой! – торопливо сказал я, – Ты видел здесь людей, похожих на нас?

Но мальчишка уже шагал по тропинке, ведущей к побережью.

***

Огромный прозрачно-синий карбункул солнца медленно тонул в волнах бескрайнего изумрудного океана, и это было так прекрасно, что хотелось плакать от счастья. Двое бывших десантников неторопливо растягивали для просушки рыболовную сеть. Остальные лежали в бурой траве вокруг костра. Худощавый Гурусета, отойдя в сторону, тихо и бесхитростно молился. Синеглазый Эльгин, от пуза наевшийся жареного деригера, сыто дремал, привалившись худым плечом к моим, гудящим после танцев ногам. На Эльгине был десантный китель.

– Ты должен вернуться на корабль, – сказал Груул, добродушно улыбаясь морщинистым, словно печёное яблоко, лицом. Его седые волосы хвостом спускались по жилистой загорелой спине.

Я опустил голову, задумчиво ероша волосы.

– Да, Груул. Мне нужно вернуться. Но я не знаю, что делать. Как объяснить Энсти, что сказать остальным?

Груул отхлебнул из глиняной плошки, довольно поморщился и передал плошку мне.

– Ал, сынок. Тебе не о чем беспокоиться. Просто делай то, что правильно, и всё устроится наилучшим образом. Ты же и сам это знаешь.

Да, я знал. Теперь знал. Оглядываясь назад, я видел, что вся моя жизнь была причудливой извилистой дорогой, которая, тем не менее, вела именно сюда. На Родас. Домой. Но…

– Одну из шлюпок надо переделать под лазарет, Груул. Вы справитесь без меня, если я не вернусь?

Груул, смеясь, взмахнул тощей рукой.

– Твое беспокойство так забавно щекочется, Ал! Я никогда не испытывал такого чувства. Спасибо, сынок!

Я сделал глоток из плошки. Кисло-сладкий напиток с негромким цветочным запахом почти не пьянил. Если опьянение можно сравнить с любовной горячкой, то в этом напитке была спокойная нежность.

Эльгин пошевелился во сне, крепче прижался к моей ноге. Я поправил на нём китель, и он благодарно улыбнулся, не открывая глаз.

– Ты почти ничего не ешь, Ал.

Полная светловолосая женщина заботливо протянула мне плод, похожий на зелёное яблоко в толстой крепкой кожуре.

– Что это? – спросил я, с интересом рассматривая плод.

Груул снова отпил из плошки и передал её женщине.

– Это яблоко Шивы. Легенда говорит, что Шива любил отдыхать под деревом, на котором растут эти плоды. Наши предки привезли семена с Земли. Удивительно, как эти деревья прижились на Родасе. Ешь, Ал. Этот древний бог всегда приходит на помощь тем, кто почитает его.

Груул снова засмеялся.

– Больше всего на свете люди боятся, что их не будут любить. Из этого корня растут все остальные страхи, слабости, обиды и разочарования. Человек боится раскрыть своё сердце, чтобы не растратить понапрасну ту малую частичку любви, которая прячется внутри него. Люди беспокоятся и злятся, нервничают, проверяют и отвергают – и всё это из страха потратить любовь и ничего не получить взамен. Люди выдумывают себе одного-единственного идеального Другого, который поймет и примет их, а затем всю жизнь ждут его. Мечутся от восторга к отчаянию. Или методично и беспощадно переделывают реальность, стремясь приблизить ее к выдумке искалеченного страхами сознания. Люди старательно считают синяки и обиды, годами ковыряют каждую выдуманную ранку на сердце. До тех пор, пока не выбьются из сил и не умрут в тоскливом одиночестве.

Загляни в себя, Ал! Ты не хочешь улетать с Родаса потому, что нашёл здесь любовь. И не можешь остаться, потому что на корабле тебя ждёт Энсти. Кажущаяся необходимость выбора тяготит тебя.

Нет нужды выбирать, сынок. Ты волен отправляться куда угодно, можешь возвращаться, когда захочешь – везде тебя ждёт любовь. Всё мироздание любит тебя такого, как есть – иначе ты просто не появился бы на свет.

Женщины у костра негромко пели старую-старую песню о юноше, уплывающем в море, и девушке, оставшейся на берегу.

Я с усилием разломил плод. Коричневые семена в розоватой мякоти напомнили мне глаза Энсти.

***

– Десантная шлюпка номер семнадцать вызывает крейсер «Тысячеликий» Говорит ксенобиолог Михайлов. Я возвращаюсь на корабль.

Стартовые двигатели выплюнули из дюз белое пламя. Перегрузка мягко вдавила в кресло. Планета на мгновение зависла, потом провалилась вниз. Из-за темно-зеленых складок бархатного горизонта вынырнул ослепительно-голубой диск и начал превращаться в шар. Надтреснутый тенорок Груула в моей голове сказал:

«Когда будешь взлетать, посмотри на солнце, Ал. Миллиарды лет оно живет, даёт свет и тепло. И не переживает о том, что получит взамен. У него уже есть всё, что нужно. У тебя тоже»

Господи милосердный, неужели всё так просто? Открываешь сердце. Отпускаешь страхи. Принимаешь мир таким, как есть. Любишь. Чувствуешь, что любим. Всё.

Шлюпка скользнула в шлюз. Толстенная внешняя дверь бесшумно закрылась. Насосы зашипели как змеи, выравнивая давление в шлюзовой камере. Стрелка термометра качнулась и пошла вверх. Красное мигание сменилось ровным зелёным свечением. Лязгнув, откатилась внутренняя дверь. В проёме стояла Энсти.

Труднее всего объяснить другим то, что для тебя разумеется само собой. Потому, что ты никогда прежде не подбирал слов, чтобы объяснить это себе. Просто почувствовал и принял.

Я говорил медленно, закрыв глаза, шаг за шагом восстанавливая в памяти всё, что случилось после приземления. Мы шли по тропинке, я болтал с Эльгином, словно с младшим братом. Почему я решил, что он мне брат? А разве нет?

Десантники устали тащить вооружение и сложили его в кустах, предварительно разрядив. Без приказа? А зачем приказ, все и так понятно. Как они могли бросить оружие? Так оно уже никому не угрожало. Что делал командир? Лейтенант Бакли первым положил автомат на землю и пошутил, что таким грузом можно слона превратить в жирафа. Все хохотали.

Потом мы пришли в селение, там готовился праздник. Мы стали помогать – собирали дрова для костра, рубили листья для подстилки. Сняли кресла с первой шлюпки и принесли к костру. Зачем? На них сидеть удобнее, чем на земле. Кстати, нам с вами надо не забыть медикаменты, когда будем возвращаться на Родас. Из шлюпки получится прекрасный лазарет, мы уже все придумали.

Почему десантники из первой группы не выходили на связь? Им было некогда – ловили рыбу для праздника. Загарпунили огромного деригера. Ох, и вкуснятина! Прилетим – попробуете.

Дальше? Дальше мы пили, ели, пели песни и танцевали. Дул ветер с моря, и тени деревьев плясали вместе с нами. Еда, или напитки могли быть отравлены? Нет, конечно. Придёт же такое в голову!

Почему никто больше не вернулся? А зачем? Гурусета показал мне, как управлять шлюпкой. А остальные не захотели лететь.

Почему вернулся я? За тобой, Энсти! Помнишь, ты говорила, что нам пора пожить спокойно, для себя? Ну, вот. Решайся. Нас ждут к закату, опять будет большой праздник. Ребята, вы тоже собирайтесь! Полетим все вместе.

Я смотрел прямо в карие глаза Энсти, и видел всё, что творится в её душе. Там шла нешуточная борьба. Недоверие боролось с надеждой. Любовь – со страхом. Привычка к порядку – с желанием послать всё к чертям.

Я улыбнулся ей. Всё хорошо, любимая.

– Боже мой, что за чудесная история! Я даже прослезился, – Фруше, развалившись в кресле, старательно вытирал левый глаз. – А что скажете вы, госпожа капитан?

– Я… не знаю.

Впервые в жизни я услышал неуверенность в голосе капитана. Остальные офицеры молчали. Затем голос Марч окреп:

– Думаю, что здесь не обойтись без тщательного расследования. Я сама полечу на планету.

– Браво, браво! – Фруше лениво поаплодировал. – Какая ответственность, какое самопожертвование. Только боюсь, Корпорация не одобрит ваше решение. Срыв эвакуации, потеря тридцати четырех десантных шлюпок, трёхсот с лишком членов экипажа и квалифицированного капитана – это очень большие убытки. А главное – дезертирство виновника, с которого

можно все эти убытки взыскать. Ведь вы понимаете, кто виновник произошедшего, госпожа капитан?

– Да, господин старший помощник. Я понимаю, кому Корпорация предъявит счёт, и готова платить.

– Ну что ж… Повинную голову меч не сечет, – Фруше улыбался. – Я помогу вам, капитан.

– Что вы предлагаете? – даже сейчас голос капитана был ровным.

– Всё очень просто. Мы напишем в отчёте, что колонисты отказались выполнить требование об эвакуации. И не просто отказались, а напали на шлюпки, а потом и на сам крейсер. И мы, защищаясь, были вынуждены обработать поверхность Родаса жёстким излучением. Под этим отчетом подпишется весь экипаж. Весь уцелевший экипаж.

В руке Фруше вдруг появился пистолет.

– Я не стану этого делать, господин Фруше! – В голосе Марч наконец-то послышалась эмоция. Презрение.

– А вам и не придется. Ах, Энсти, дорогая моя… Я ведь не всю жизнь служил старшим помощником. Приходилось мне и боевой частью корабля командовать. Я всё сделаю сам. Ради нас с вами, дорогая!

Фруше поднялся с кресла и повернулся ко мне.

– Как я надеялся, Ал, что ты просто не вернешься. Ну, что же теперь поделать…

Он ещё не успел договорить, когда я прыгнул на него. Мне нужно было только сбить его с ног, остальное сделают другие.

Раздался громкий хлопок, что-то ударило меня в левое плечо и отбросило назад. Голова Фруше расцвела багрово-алым цветком, тело конвульсивно задёргалось и осело на пол.

Капитан «Тысячеликого» Анестейша Марч отшвырнула свой пистолет и кинулась ко мне.

***

Невидимые в ночной темноте зелёные волны с еле слышным шипением облизывали нагретый за день песок пляжа. Я набрал горсть сухого песка и сидел, чувствуя, как утекают меж пальцев мелкие тёплые крупинки.

– Здесь так хорошо, Ал. – Энсти осторожно обняла меня, стараясь не задеть перебинтованное плечо. – Скоро всё закончится, но я ни чём не жалею. Ради этих дней стоило жить.

Мы поженились позавчера, едва лишь я смог встать на ноги. Старый Груул соединил наши руки цветочной гирляндой и на давно забытом языке попросил всемогущих Шиву и Парвати оберегать нас. Гурусета, отчаянно краснея, читал длинные нескладные стихи. Здоровяк Холанд играл на гитаре. Луиза Милье плакала и хлюпала носом, а смуглый светловолосый красавец с соседнего острова нежно её утешал.

Мы обрели счастье и покой. Даже неизбежное возмездие Корпорации не тревожило нас.

Лоскут пламени, словно трепетная алая бабочка, оторвался от гаснущего костра и медленно поплыл в нашу сторону.

– Груул! – обрадовалась Энсти. – Посиди с нами.

Груул воткнул факел в песок.

– Энсти, ты прекрасна, как цветок лотоса, которого я никогда не видел!

Его морщинистое лицо осветилось лукавой улыбкой. Затем он повернулся ко мне.

– Как твоё плечо, сынок?

– Спасибо, Груул. Гораздо лучше, чем неделю тому назад.

– Что ж, – Груул присел рядом с нами. – Значит, мы можем отправляться в путь. Энсти, ты поможешь нам распределиться по кораблям?

– Груул! – В карих глазах Энсти горели искры изумления. – Вы решили покинуть Родас? Но как мы можем? Здесь наш дом!

– Энсти, девочка, – Груул насмешливо покачал головой. – Когда всё мироздание любит тебя, не всё ли равно, в какой его точке находиться?

***

Зелёное яблоко планеты в обзорном экране стремительно уменьшалось. Вот оно превратилось в шарик, потом сжалось в изумрудную точку и, наконец, исчезло.

Крейсер «Тысячеликий» нанизывал складки вселенной, как швейная игла нанизывает сборки чёрного бархата. Обгоняя свет голубой звезды, он спешил к ближайшей землеподобной планете. Позади крейсера летели транспортные корабли, а впереди сообщение об успешном окончании эвакуации колонистов с Родаса и печальном самоубийстве старшего помощника Фруше. Сообщение, подписанное всеми членами экипажа.

***

Что не дает сойти с ума людям, долгие месяцы запертым в жестянке, которая с немыслимой скоростью несется куда-то сквозь темную леденящую пустоту? Скудость воображения? Долг? Жажда познания? Предвкушение безбедной старости на тихой уютной планете? У каждого свой ответ.

Наш ответ – любовь.

Аутсайдеры

«…Глупо переть на рожон с деревянною сабелькой –Тьму разогнать посложней, чем разгрызть орех.Только прошу тебя, не сомневайся ни капелькиВ том, что твой Щелкунчик сильнее всех…»

Евгения не воспитывали, а выстругивали. Хотя, если верить сказочнику Толстому, папа Карло вложил в Буратино куда больше любви, чем родители вложили в Евгения. Это и неудивительно, всё-таки папа Карло делал своего сына руками.Если взять яблоко с толстой, крепкой кожурой и долго кидать его о стену, то кожура грубеет и остаётся сравнительно целой, а мякоть внутри разбивается от ударов и превращается в жижу. То же самое происходило с мальчиком Женей. От каждого тычка, унизительного сравнения, равнодушного взгляда он съеживался и всё больше уходил вглубь странного, обрастающего дублёной шкурой существа. Наконец, мальчик потерялся, а вечно голодная, заискивающая, неуверенная в себе и подловатая тварь присвоила его имя.

***

– Грёбаный Рамос! – Евгений вскочил с кресла и с размаху ударил ладонью по стойке монитора. Верзила-охранник, скучавший у входа в букмекерскую контору, как циклоп в ожидании Одиссея, напрягся. Несдержанность клиентов – обычное дело, но оборудование стоит денег. Впрочем, Евгений тут же опомнился и вскинул руки, демонстрируя, что он в порядке.

Ах, если бы! Если бы бородатый Серхио, левую бутсу ему в задний проход, забил этот проклятый пенальти, Евгений был бы сейчас в шоколаде. Зато теперь он в дерьме по самую лохматую макушку! Отсиженные ягодицы ныли так, словно гадская «Осасуна» вырвала желанное очко не у мадридского «Реала», а лично у него, Евгения.

Он закрутил головой, тщетно надеясь узреть чудо, которое спасёт его.Возле окошка кассы получала свой выигрыш высокая темноволосая девица. Заметив отчаянный взгляд Евгения, она слегка улыбнулась.

Чёрт, это не было даже шансом, но что ему оставалось? Узнав о проигранной зарплате, Алинка просто вышвырнет его из дома без вещей. Евгений, нерешительно косясь на охранника, направился к девице.

– Слышь, подруга, извини! Пятихаткой не выручишь, по-братски? Проигрался, как говорится, вдрызг!

Евгений очень старался, чтобы слова звучали непринуждённо, и голос от этого слегла поскуливал.

– Брал победу «Реала», братец? – улыбнулась девица.

И тут Евгений разглядел, что вовсе это не девица, а женщина лет тридцати пяти, практически, его ровесница. Вот и седые нити пробиваются в тёмных локонах. В заблуждение вводила её безупречная фигура, и лёгкие, уверенные движения, присущие молодости.Несмотря на смешливый тон, улыбка у женщины была тёплой, располагающей. Евгений осмелел, предчувствуя удачу.

– Ну. Грёбаный Рамос, понимаешь! Как это можно – пенальти не забить? А ты на чём подняла?

Охранник верно оценил ситуацию и вновь отвернулся, пристально вглядываясь в бескрайнее море замызганного коридора.

– Непроигрыш «Осасуны». Аутсайдеры частенько устраивают сюрпризы.

– Это верно, – поддакнул Евгений, хотя сам так не считал и ставил исключительно на фаворитов.– Много слил?– Полтос. Почти. – Евгений непроизвольно шмыгнул носом.– Ого, – она оценивающе оглядела потрёпанные джинсы и стоптанные кроссовки Евгения.

– Зарплату ухнул, что ли?

Отпираться было бессмысленно.

Женщина задумчиво прищурилась на расписание матчей. Евгений нетерпеливо переминался рядом.

– Знаешь, что, братец. У нас есть ещё сорок минут. Пойдём-ка, выпьем кофе и поболтаем. А потом вернёмся и всех порвем.

Когда судьба хватает за шкирку и тащит в нужном направлении, человек либо запоминает происходящее в мельчайших подробностях, либо, напротив, всё забывает.

Следующие полчаса Евгений потом припоминал с большим трудом.

Терпкий вкус эспрессо.

Слова. Горькие, как дым догорающего дома и сладкие, словно первая земляника.

Внимательные глаза.

Тёплая, несмелая радость внутри.

Лёгкость, небывалая, почти непереносимая.

Женщина слушала не его. Своим мягким вниманием она вызвала, вытащила из его пустого, тёмного, ноющего нутра того мальчишку, Женьку. А потом взяла его за руку и провела по всей жизни, которой он был лишён. И вереница бессмысленных, случайных событий осветилась сиянием его живых глаз. Он прожил каждый день, понял смысл и значение каждого момента, шага, вдоха. Увидел каждую развилку.

Пять лет. Женьку учат читать.– М и А – как будет вместе? МА! Повтори! П и А – как будет вместе? Господи, в кого ты такой тупой уродился?

Восемь лет. Женька хотел играть в футбол.– Куда тебе, у тебя ноги слабые, – сказала мама.– Ботинок не напасёшься, – поддакнул, не отрываясь от газеты, отец. – Иди, уроки делай.

Одиннадцать лет. Женька с ребятами ушёл на рыбалку без взрослых.– Ты меня в гроб хочешь вогнать, идиот?! А если бы ты утонул? Вот отец тебе всыплет!

Шестнадцать лет. Заснеженное кладбище. Желтоватое, с ввалившимися щеками, лицо отца на белом сатине. Ледяной комок в ладони. Ледяной комок в горле, и проглотить его невозможно, как ни старайся.

Это детство? Вот это всё – детство??? И больше ничего?Да нет же, нет!

Семь лет. Отец сделал Женьке настоящий лук из пружинной проволоки с капроновой тетивой. Поставил на бетонный блок консервную банку. И Женька в неё попал. С третьего раза.– Ты прямо Чингачгук! Гляди, в окна не целься.

Десять лет. Вся семья поехала за грибами. Мшистые подножия высоких сосен в зелёном кружеве папоротника. Присядешь – а под ним, в светящемся резном сумраке рыжие шляпки. Огромный, размером с корзину, подосиновик. Бутерброды с вкусной докторской колбасой, из которой не надо тайком выковыривать противный жир.

Двенадцать лет. Книги. Восьмитомник Марка Твена в оранжевых, словно подосиновики, обложках. «Таинственный остров», подобранный в макулатуре.

И это было. Тоже было. Так почему же внутри скопилась склизкая противная горечь? Почему душит этот проклятый ледяной комок?

Восемнадцать лет. Какой институт, если в доме жрать нечего? Василий Степанович сказал, что на «железку» можно устроиться путейцем. Лом и кувалда. Вонючая палёная водка из обрезанной пластиковой бутылки.

Двадцать один год. Нет, вот тогда всё было хорошо. Правильно. И встречались, и в кино ходили. И любили не случайно, не по пьяни.

Тогда можно было вынырнуть. Выдохнуть с облегчением, засмеяться.Не получилось. Слишком уже привык прятаться за взрослостью, серьёзностью. Не было лёгкости. И любовь незаметно растворилась в быту, в мелких и неистребимых, словно тараканы, проблемах.

Мягкая, тёплая ладонь легла на его руку, и Евгений вцепился в неё, как висельник в веревку.

– Ты не уйдёшь? Не бросишь меня? Чёрт, я даже не спросил, как тебя зовут!

– Алина, – женщина смотрела на него внимательно и серьёзно.

– Прямо, как мою благоверную… Погоди! – Евгений вгляделся в её лицо.

Осветлить тёмные волосы. Выщипать густые брови и нарисовать изогнутые «ниточки». Щёки чуть полнее, округлить подбородок. Добавить недовольное выражение лица.

– Как это? Ты кто? Откуда взялась?

– Какая тебе разница, Женька? Неважно, откуда взялась я. Важно, что снова появился ты. Настоящий.

Алина посмотрела на часы.

– Осталось семь минут. Идём!

Хлопнув скрипучей дверью, они выскочили из кафе, взбежали по грязной лестнице в букмекерскую контору. Алина окинула взглядом мониторы, висевшие на стене.

– Вот, смотри. «Нэшвилл» – «Каролина»

Женька машинально взглянул на счёт. Как и ожидалось, к третьему периоду «Нэшвилл» проигрывал два-один. Если бы не тот злосчастный пенальти, Евгений ещё до начала матча грузанул бы на победу «Каролины». Теперь же коэффициент был никакой.

– Ну… – промямлил он, – ещё пару шайб они могут закатить…

Сейчас ему совершенно не хотелось думать о ставках и деньгах. Он наслаждался острой, сладкой болью обретения себя.

Алина вынула из сумочки две пятитысячные купюры и протянула Женьке.

– Давай! Перерыв заканчивается. Не забудь: аутсайдеры иногда преподносят сюрпризы.

Окно кассы было в трёх шагах, и пока Женька их прошёл, он кое-что понял, и его накрыло сумасшедшее веселье. Он протянул деньги кассирше:

– Всё на победу «Нэшвилла»

– Вы уверены? – девчушка за кассой слегка изогнула аккуратную бровь.

– Пожалуй, нет. – задумчиво оскалился Женька, едва сдерживая истерику. – Ставлю на то, что «Нэшвилл» выиграет в две шайбы.

Кассирша, стараясь казаться невозмутимой, приняла ставку.

На седьмой минуте третьего периода «Нэшвилл» сравнял. На двенадцатой минуте повёл в счёте, забив в меньшинстве. За две минуты до конца матча «Каролина» в отчаянной попытке отыграться сняла вратаря и получила шайбу в пустые ворота.

Женька равнодушно смотрел на то, как его руки складывают купюры в аккуратные толстые стопки и убирают в сумку. Контора вокруг возбуждённо гудела. Завсегдатаи тянули шеи, чтобы поглядеть на счастливчика, объегорившего систему.

У порога он обернулся. Нет. Маленькому мальчику внутри него, совершенно не хотелось азарта, адреналина и трясущихся рук. Он хотел только покоя, чтобы его любили и не выгоняли больше из дома. Женька закинул на плечо сумку, кивнул охраннику и вслед за Алиной вышел в коридор.

Возле двери, ведущей на улицу, стояли двое – долговязый белобрысый пацанчик с ухмылкой на узком лице и сумрачный черноволосый крепыш.

– Проходи, тётя, – хохотнул пацанчик в лицо Алине. – Нам с дядей поговорить надо.

Он шагнул к Женьке. В это мгновение дверь позади него распахнулась и саданула пацанчика в копчик. Он визгливо взвыл и рухнул на колени.Не теряя времени, Женька пнул крепыша и попал ему в голень. Черноволосый зашипел по-змеиному, оттолкнул вошедшего мужчину и выскочил на улицу.

– Женька, как же ты вовремя! – воскликнула Алина.

– Ну, а как иначе, любимая? – улыбнулся вошедший.

Он склонился над белобрысым.

– Живой? «Скорую» вызвать?

Тот слабо заелозил по полу.

– Ну, нет – так нет. Полежи, оклемаешься.

Женька, прижав к животу сумку, непонимающе крутил головой.

– Едем, братишка, – снова улыбнулся мужчина, – довезём тебя до дому. Такси внизу.

В ветровом стекле Евгений видел искажённое отражение пары, сидевшей на заднем сиденье. Кажется, они держались за руки. Он вдруг снова почувствовал себя одиноким. Нет, не так. Мальчик внутри него ощутил страшное, но привычное одиночество и приготовился покорно упасть обратно в смерть.

«Не уходи, пожалуйста!» – жалобно взмолился Евгений. – «Я без тебя пропаду»

Мальчик несмело улыбнулся и неумело прижался к Евгению, обхватив худыми ручонками его судорожно сжимавшееся сердце.

Такси высадило их возле тёмной громады Женькиного дома и укатило, смешно подпрыгивая на лежачих полицейских.

– Откуда вы взялись? – спросил Женька, поправляя сумку.

Мужчина улыбнулся.

– Всё это, – он обвёл взглядом тёмный двор с кустами бересклета и скособочившейся горкой, – просто зеркало, Женя. Оно отражает то, что у тебя внутри.

– Аромат твоих желаний манит к себе бабочек, – нараспев процитировала Алина и поправила тёмную прядь.

«А смрад страхов притягивает мух» – шёпотом закончил мальчик внутри.

Они обнялись и долго стояли вчетвером возле дома, а над ними в разрывах туч мигали звёзды.

– Может быть… – начал Женька и кивнул в сторону двери.

– Нет, – ответила Алина. – Нам не надо встречаться… пока. У женщин это по-другому, Женя.

– Иди, брат, – мужчина хлопнул Женьку по плечу. – Увидимся!Женька, не оглядываясь, вошёл в подъезд, и железная дверь лязгнула за его спиной.

***

– Какая она? Лучше меня? – всхлипывая, спросила Алина.Они сидели в темноте, прижавшись друг к другу.

«Она настоящая. Вот и всё» – подумал Женька. И крепче обнял жену.

– Настоящая, да? – задумчиво протянула Алина.

– Это мы с тобой настоящие. – Женька погладил Алину по мокрой щеке. – просто аутсайдеры. Но аутсайдеры иногда устраивают сюрпризы.

Двое сидели на лавочке, держась за руки, и смотрели поверх крыш на бегущие над городом тучи.

«У нас получилось, да?»

«Получилось»

«Спасибо тебе»

«Я люблю тебя»

Пошёл дождь. Он накрапывал, сеялся, штриховал двор и горку и мягким языком словно слизывал фигуры сидящих людей. Фигуры истончались, таяли, становились прозрачными. Сквозь них уже были видны дрожащие огни фонарей над проездом. Наконец, скамейка опустела. Капли падали на крашеное дерево, растекались, заполняя водой надпись: «Алина и Женька здесь были».

Быль о славном Дерзее и ужасном Мимогавре

В Древней Гречнии жил великий герой Дерзей. Всем встречным он так и представлялся:

– Великий герой Дерзей. Очень приятно!

Такой уж он был честный и прямолинейный.

Как и положено великому герою, слыл он самым сильным, самым умным, а уж красивее его не найти было во всей Гречнии, от Татики до Калонии. Огромная медная палица героя, всегда начищенная до блеска, так сверкала на солнце, что впечатлительные гречанки (и даже некоторые гречане) падали в обморок стройными фалангами.

Как утверждают историки, Дерзей был женат дважды, и оба раза неудачно. Первую жену он убил, чтобы жениться на второй, а вторую любил так сильно, что она с горя повесилась. Всё это полная историческая чушь. Я вам потом расскажу, как было дело.

С родителями Дерзею очень повезло – у него было два отца. Причём не по очереди, как жёны, а сразу. Не случайно Древняя Гречния считалась весьма либеральной страной.

Один папа по имени Эгегей царствовал в Ахинах. Второй нигде не царствовал, но зато был морским богом, от скуки гонял русалок и звался Посейдень.

Заделав возлюбленной сына, удовлетворённые отцы, как и положено, свалили в закат. Посейдень нырнул к заждавшимся русалкам. Эгегей проблеял что-то про нелёгкую царскую долю, чмокнул маму Дерзея в щёчку и прыгнул в рейсовый караван до Ахин. Уходя, предусмотрительный папаша завалил тропинку здоровенным камнем и спрятал под ним сандалии сына. Наверняка надеялся, что босиком тот до Ахин не доберётся.

К шестнадцати годам малец вымахал настолько, что смог отодвинуть камень и обзавестись обувкой. Тут он попрощался с мамой и отправился в Ахины к отцу номер один, простодушно рассчитывая на отцовскую любовь и алименты.

По дороге в Ахины славный Дерзей совершил немало великих подвигов. Выстирал носки грязнули Шкурона, не вынимая их них владельца. Помог раззявам-мегерцам поймать сбежавшую Кроммионскую свинью. И наконец, укротил трактирщика Прохвоста, который взял моду селить постояльцев в номере на двоих вместо полулюкса.

Завистливые современники писали потом, что Дерзей Прохвоста не укротил, а укоротил, причём на целую голову. Вот вам пример того, как легко оклеветать хорошего человека при помощи всего одной буквы.

Увидев подросшего сынулю, Эгегей очень обрадовался и сходу попытался его отравить. Когда же отрава не подействовала, Эгегей предложил Дерзею стать его наследником, а пока поработать пастухом.

– Зарплату дашь? – спросил обрадованный Дерзей.

– Зачем тебе зарплата? – удивился Эгегей. – Эти же наши коровы.

Несмотря на высокую должность и преклонные годы, Эгегей был изрядным прохиндеем. Как-то в молодости он крепко подставил трикского царевича, а от жаждавших возмездия трикян откупился данью с Ахин. Ахиняне не очень-то понимали, почему они должны оплачивать криминальные развлечения непутёвого царя и периодически бунтовали.

Герой, не знакомый с причудами папаши, очень обрадовался и принял сомнительное предложение.

Спустя неделю после того, как обнадёженный Дерзей занялся дрессировкой царских коров, в Ахины прибыло трикское посольство за обещанной данью.

Эти самые трикяне были нескучными ребятами. У себя на острове они выстроили огромный лабиринт и завели в нём чудовище, которое назвали Мимогавром. Мимогавра этого никто (кроме трикян) не видел, потому что он безвылазно сидел в лабиринте и требовал (по уверениям всё тех же трикян) еды, вина и молодёжи всех полов для сексуальных утех. Провизию и молодёжь поставляли несчастные Ахины по вине проходимца Эгегея.

Увидев посольство, Эгегей сообразил, что это прекрасный шанс избавиться от любимого сына.

– Дерзей, – вкрадчиво сказал он, – ты же у меня герой.

Дерзей щёлкнул кнутом по древнегречневым лопухам, покраснел от удовольствия и кивнул.

– Так поезжай на Трик и убей Мимогавра.

– На хрена?

– Потому что ты великий герой! – раздосадованно воскликнул Эгегей, топнул ногой, и дело решилось.

* * *

В центре громадного лабиринта на острове Трик сидел Мимогавр и разговаривал с ручным крысом. Других друзей у Мимогавра не было.

– Лентяй ты бессовестный, а не чудовище! – пыхтел крыс. – Сам себе еды принести не можешь, меня заставляешь караваи таскать.

– Нельзя мне наверх, – сказал Мимогавр, стыдливо отводя глаза и с наслаждением вгрызаясь в горбушку. – У меня агорафобия. Да ещё пленники эти по коридорам шастают, орут. Я их боюсь.

– Они тебя бояться должны! Ты – Мимогавр! Подземное чудовище, злобное и безжалостное! Ужас лабиринта! Юношей – съесть! Девиц – того!

– Чего «того»? – заинтересовался Мимогавр.

– А ты схвати хоть одну девицу, тогда и узнаешь, – поддразнил крыс.

Но мысль о хватании незнакомых девиц совершенно не прельстила Мимогавра. Он торопливо доел горбушку и захлюпал водой из подземного озерца.

– Вина бы сейчас.

– Нет уж, дудки! Амфору я не поволоку, и не надейся. Я ведь всё-таки крыс, а не Хренакл.

– А кто это – Хренакл?

– Кто-кто… Терминатор в львином пальто! Вот явится, тогда узнаешь. И трикян твоих расхренаклит, и тебя заодно с ними.

Мимогавр испуганно поёжился.

* **

Услышав, что Дерзей собирается убить Мимогавра, обрадованные ахиняне тут же снарядили для героя самый лучший корабль. На корабле подняли чёрные паруса и флаг с черепом и костями в знак траура. Мертвецки пьяную молодёжь, предназначенную Мимогавру, с почестями погрузили в трюм. Сам Дерзей, покачиваясь, стоял на корме в одних парадных сандалиях и разглядывал молодых ахинянок. Ахинянки, в свою очередь, разглядывали здоровенную палицу героя.

– Дерзей! – заорал с берега довольный Эгегей. – Я там белые паруса положил. Если случайно не погибнешь – возвращайся под ними. Я тебя торжественно встречу.

– Будь спокоен, батя! – завопил в ответ Дерзей. – За коровами присмотри. I'll be back!

Трикское посольство неодобрительно перешёптывалось. Никогда ещё еда Мимогавра не выглядела настолько самоуверенной.

– Если он Мимогавра хлопнет – не видать нам больше дани, – вполголоса сказал послу секретарь и заискивающе ухмыльнулся.

– Сплюнь, проклятый! – хмуро отозвался посол.

По пути на Трик Дерзей играл с пассажирами в карты на щелбаны, пока однажды не выиграл, соревновался с матросами в мытье палубы и донимал капитана расспросами о том, как управлять кораблём.

Однажды ночью крепко озабоченные судьбой Мимогавра трикяне сговорились и выкинули спящего героя за борт. Ошарашенный Дерзей, суча ногами и пуская пузыри, погрузился в морскую пучину.

Тут его заметили шаловливые наяды и приволокли к Посейденю, который немедленно опознал родного сына по мускулатуре и непосредственному интересу к русалкам.

В знак отцовской любви Посейдень вручил герою золотую рогатую шапку с разбитого ассирийского корабля, а затем отправил на поверхность таким мощным пинком, что Дерзей вылетел из воды, словно брачующийся дельфин, и запрыгнул обратно на корабль.

Капитан, увидев утопленника в золотом колпаке, поперхнулся поминальной речью. Матросы немедленно выпили за спасение героя, и поминки превратились в праздник.

Наконец, на горизонте показался Трик. Юнга обезьяной повис на верёвке и взмахнул чёрным флагом. С берега отсалютовали катапульты, причём одно из ядер перебило мачту и зашибло двух гребцов. Дерзей начистил палицу и зашнуровал сандалии. Пора было приниматься за работу.

* **

– Допрыгался! – издевался крыс. – Дождался! Сам великий герой Дерзей тебя убивать приехал!

Мимогавр метался по подземелью.

– Что делать? Что делать-то теперь? – восклицал он, примеряя таким образом лавры Чернышевского.

– Сражайся, как настоящее чудовище, и прими смерть от руки героя! – злорадствовал единственный друг несчастного Мимогавра.

– О Зевс! Я ещё так молод! Я не хочу умирать! – стенал Мимогавр. От социального романа он перешёл к жанру высокой трагедии.

– Значит, надо валить, – рассудил крыс.

– Куда?

– Наверх! Nach oben! Up!

– Валить! – радостно завопил Мимогавр. Страх встречи с Дерзеем пересилил боязнь открытого пространства.

Монстр моментально подхватил сокровища – две заплесневелые буханки и неоднократно облизанную душистую сырную корочку.

– В путь!

– A caminho! – поддержал приятеля крыс-полиглот.

* * *

Сияя золотыми рогами, Дерзей ступил на берег Трика. Толпа встречающих завопила «ура», музыканты грянули плясовую на кифарах, трикский царь Маис насупил брови, а царская дочь Айдаладна покрылась нежным румянцем.

– Видал, какой шлем у него? – шепнул начальник дворцовой охраны министру финансов. – Откуда только эти ахиняне деньги берут?

– Волатильность и консигнация, – скривился министр финансов. После вчерашнего собрания акционеров у него побаливала печень.

Пока остальные ахиняне получали тычки от конвоиров, Айдаладна прорвалась к герою.

– Женишься на мне? – спросила она с прямотой, присущей трикским девушкам под тридцать.

– Хоть сейчас! – обрадовался Дерзей и учтиво приподнял палицу.

– Прими же залог моей любви! – Айдаладна протянула Дерзею клубок. – Привяжи нитку к дверной ручке, чтобы не заблудиться в лабиринте.

«Навигатор-то надёжнее» – подумал Дерзей, но клубок взял.

У входа в подземелье он отодвинул за спину прочих пленников, помахал озадаченному Маису и показал средний палец капитану корабля. Затем бодро шагнул в темноту.

* * *

Царь Маис сидел на троне и точил кинжал. Перед ним переминался с ноги на ногу бледный как весенняя редиска посол. Начальник дворцовой охраны равнодушно курил виноградную самокрутку, деликатно пуская дым в незастеклённое окошко тронного зала.

– Ты кого мне привёз? – зловещим голосом спросил Маис посла. – Ты, козья какашка, понимаешь, что вся экономика этого долбаного острова держится на ужасном Мимогавре, которого мы из последних сил уговариваем пощадить Ойкумену?

Маис поглядел в глупые глаза посла и пояснил:

– Ойкумена – это, по-простому, окрестности. А если наше трикское чудовище, дай ему Зевс здоровья, откинет копыта – мы вместо заслуженной и щедрой дани будем клянчить гуманитарную помощь. Встанем на мировом перекрёстке с протянутой рукой!

Царь провёл пальцем по острию кинжала, достал из-под трона банку с ядом и неожиданно рявкнул:

– Кому продался, шкура? Отвечай!

Посол рухнул на колени.

– Эгегей попутал! Сундук золота обещал, если мы от Дерзея избавимся!

Маис отложил кинжал.

– Сундук золота, говоришь? Сундук золота – это хорошо.

Начальник охраны забычковал самокрутку, откашлялся и предположил:

– А может, Мимогавр Дерзея убьёт? Тогда и волноваться не о чем.

– Дурак ты, а не начальник охраны! Посла – в тюрьму. А мне троих стражников пришли, порасторопнее! Сам в лабиринт пойду – вспомню молодость.

Маис сплюнул и принялся намазывать кинжал ядом.

* * *

Испуганный Мимогавр вжался в дальний угол тупика. С потолка на его косматую голову падали холодные капли. За поворотом коридора слышалось весёлое пение. Крыс, ушедший искать дорогу, как назло, задерживался.

– С завязанными глазами проведу! – бормотал Мимогавр. – Сусанин пещерный!

Песня приближалась. Сейчас неведомый певец минует поворот и увидит Мимогавра. Нервы чудовища не выдержали.

– Мамочка, помоги! – жалобно завопил Мимогавр, зажмурился и рванул навстречу судьбе.

* * *

Дерзей смело спускался вглубь лабиринта. Спутники остались у входа, где обнаружили запасы еды и вина.

– Погнали вместе, – предложил было пленникам герой, но ахиняне грубо ответили, что им и тут хорошо, а Мимогавру на ужин вполне хватит одного Дерзея.

– Ты же герой? Вот и шагай, геройствуй, пока по шлему не настучали!

Герой на ощупь пробирался мрачными коридорами, проклиная царя Маиса, который не догадался устроить в лабиринте электрическое освещение и эскалаторы.

Чтобы скрасить блуждания, он громко затянул весёлую песню о своих подвигах.

Вдруг из-за поворота с жалобными воплями выскочил Мимогавр и сходу боднул Дерзея в мускулистый живот. Золотой шлем героя, звякая, укатился в темноту подземелья.

* * *

Брошенные на съедение чудовищу несчастные пленники лениво допивали третью амфору вина, когда входная дверь распахнулась, и в лабиринт ввалился царь Маис в сопровождении трёх стражников.

– Это что за банкет? – офигел царь и машинально ткнул отравленным кинжалом в бок ближайшего стражника. Охранник захрипел и упал.

– А, чёрт! Всё время про яд забываю. Дерзей где? – обратился Маис к ахинянам.

Пленники осторожно попятились.

– Он это… за Мимогавром пошёл.

Маис зарычал, фокусируя налитые кровью глаза на нитке, кокетливым бантиком привязанной к ручке двери.

– Ага! – торжествующе воскликнул царь.

– Ага! – браво повторили стражники.

– Ага, – на всякий случай подтвердили пленные ахиняне.

– За мной! – завопил Маис и вцепился в путеводную нить, размахивая кинжалом. – Спасём Мимогавра!

Стражники, бросив тело товарища, нырнули вслед за царём в темноту лабиринта.

Ахиняне переглянулись и распечатали четвёртую амфору.

* * *

Ткнувшись нечёсаной макушкой в геройский пресс, Мимогавр ойкнул, отскочил и шлёпнулся тощей тыльной частью на каменный пол лабиринта.

– Ты кто? – Дерзей от неожиданности проглотил верхнее «си-бемоль». Рука с палицей напряглась.

Видя, что терять нечего, Мимогавр подпрыгнул, как Джеки Чан в лучшие годы, и заверещал:

– Я – Мимогавр, великий и ужасный! Сражайся со мной и погибни!

Глаза его блестели, как алюминиевые ложки. Ростом Мимогавр едва доставал Дерзею до подмышек.

Дерзей уронил палицу и заржал.

* * *

Царь Маис, словно голодный паук, проворно перебирал руками вдоль нити. Охрана следовала за ним.

– Там, у входа, ещё амфоры с вином остались, – шепнул один стражник другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.